

ВЫБОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ РОССИИ ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Сегодня достаточно часто восприятие исторических событий в России XX века происходит через призму вины интеллигенции — «специфического российского образования» в «глубочайших катаклизмах российской истории»¹. При всем огромно потоке философской, социологической, исторической и другой обществоведческой российской литературы по интеллигенции наше понимание объекта исследования — интеллигенции — ныне не намного углубилось по сравнению с теми временами, когда был предложен данный термин и слово «интеллигенция» стало фактом русского языка².

Своеобразие теперешней ситуации в российском обществоведении заключается в том, что, отказываясь от вульгарных трактовок марксизма ждановско-сусловским фундаментализмом, исследователи пытаются найти ответы у западных коллег. А многие современные западные интеллектуалы порой выносят категорические суждения о роли интеллигенции в российском обществе. Так, английский исследователь венгерского происхождения, длительное время живший в СССР, а теперь являющийся преподавателем кафедры политических наук Редингтонского университета Тибор Самуэли доказывал, что «*русская интеллигенция была орудием разрушения...*»³. Германский исследователь, доктор исторических наук из Кельтского университета Леонид Люкс опубликовал в московском журнале «Вопросы философии» статью под символическим названием «Интеллигенция и революция: Летопись триумфального поражения», в которой утверждает: «*Царская власть, с которой интеллигенция так страстно боролась с самого своего возникновения, казалась ей вместе с тем и настолько всемогущей, что она не рассчитывала на скорое крушение самодержавия и возможность взять власть в свои руки. Практика и технология власти совершенно не занимали интеллигенцию, она отождествляла себя с жертвами. По-иному обстояло дело с большевиками. Семнадцатый год и последующие события показали, что большевики были, в сущности, исключением внутри “ордена” [интеллигенции — А.К.]. Только большевикам во главе с Лениным удалось соединить радикальный утопизм с исключительно трезвым пониманием механизмов насилия. Вот почему они добились самого большого успеха среди всех групп интеллигенции и превратили “орден” (или хотя бы часть его) из кучки беспочвенных мечтателей в господствующий слой гигантской империи. Но уже через десять лет после своего триумфа “орден” лишился власти, а еще через десять лет большая его часть была физически уничтожена*»⁴.

Однако, по моему мнению, непосредственную ответственность за противостояние власти и интеллигенции несет именно царское самодержавие, что достаточно аргументировано показал известный американский иссле-

¹ Люкс Л. *Россия между Западом и Востоком*. М., 1993. с. 58 - 75.

² Klaus von Beyme. *Intellectuals, Intelligentsia // Marxism, Communism and Western Society*. N.Y., 1972. Vol. IV. P. 301 - 312.

³ Смотрите: *Новый колокол*. Лондон. 1972. с. 7.

⁴ Люкс Л. *Интеллигенция и революция: Летопись триумфального поражения // Вопросы философии*. 1991. 11. С. 14.

дователь, эмигрант из России М.И.Раев⁵. В конечном счете, массы высказывались за социализм, по-видимому, по той простой причине, что комплекс идей, на котором покоится социалистическое учение, чрезвычайно близок комплексу представлений локальной культуры типа русской сельской общины. После 1917 года измученный годами войн и разрухи народ, поживший, так сказать, по своей воле и почувствовавший свою беспомощность, свое неумение устроить собственными силами какое бы то ни было подобие нормальных человеческих отношений, возжаждал, наконец, мира и покоя и бросился под знамена «рационалистической утопии». Откуда мог народ знать, что это — утопия, что он высказался за проект общества, который в принципе неосуществим.

Прошло более восьми десятилетий. В условиях радикальных перемен, происходящих в России, вновь возрастает интерес к истории российской интеллигенции, ее взглядам, общественно-политическим позициям, к мотивационным факторам, которые влияют на деятельность данного субъекта общественной жизни. Особенно настоящее замечание касается периодов исторических катаклизмов. И это не удивительно. Интеллигенция интеллектуально, идеологически и организационно прокладывает путь к обновлению общества, подвергает ревизии стереотипы массового общественного сознания, формирует установку на изменение общественного устройства.

Большевистская революция 1917 года, безусловно, была крупной вехой не только российской, но и мировой истории, вехой, положившей начало грандиозному эксперименту создания нового общества, отношения в котором должны были соответствовать многовековым чаяниям различных слоев российского общества, определять вектор мировой цивилизации. Поэтому в наши дни особенно важно рассмотреть в исторической ретроспективе вопрос о восприятии данного события российской интеллигенцией. Осмысление исторических уроков истории отечественной интеллигенции должно помочь осознать место и роль интеллигенции в современной России.

Сегодня снова интеллигенция пытается выработать комплекс идей, вокруг которого могли бы сложиться новые социальные отношения, долженствующие сплотить и организовать разваливающееся общество. И снова взоры отечественных интеллигентов обращаются к Западу, на этот раз к Америке как образцу и эталону. Не повторяют ли российские интеллектуалы старой ошибки? Например, ими предлагается следующий «рецепт исцеления» России: *«Если уж мы, пытаясь выздороветь от чумы так называемого социализма, хотим действительно влиться в мировую цивилизацию, забыть надо эти вздорные, мертворожденные слова — “интеллигент”, “интеллигенция”»*⁶. Наивная попытка «упразднить» интеллигенцию, *«всегда противостоящую власти в России»*, и заменить ее, *«как во всем мире»*, верными властям интеллектуалами⁷, в качестве панацеи от всех бед, по-моему, представляет из себя лишь эпатажный филологический трюк. Дело не в терминологических, а в сущностных характеристиках того социального слоя общества, который в разных странах определяется по-разному — «интеллигенция» или «интеллектуалы».

⁵ Раев М. *Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи*. London, 1990.

⁶ Иванов А. Интеллигент — это кто? // *Книжное обозрение*. 1992. 1 11.

⁷ Панченко А.М. Не хочу быть интеллигентом. // *Московские новости*. 1991. 150.

На мой взгляд, сегодня особый интерес в качестве теоретической основы исследований истории интеллигенции представляет выработанный в современном российском обществоведении подход к определению интеллигенции/интеллектуалов, исходя из той функции, которую умственная деятельность выполняет в более широкой системе общественных отношений, и той роли, которую играет труд людей, занимающихся этой деятельностью, в данной системе. Эта функция обеспечивает связанность и однородность общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создает единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. Таким образом, интеллигенцией является слой людей любого общества, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей. Эта трактовка основывается на взглядах М.К.Мамардашвили⁸. Данный подход позволяет видеть в интеллигенции не некую «прослойку», объединенную характером труда, выполняемого ее членами и стабильно присутствующую в обществе наряду со «средними слоями», а совершенно особую часть общества, с одной стороны, являющуюся необходимым условием самого существования именно данного общества, с другой стороны, претерпевающую разительные изменения по ходу трансформаций, происходящих в обществе.

Во многом данный подход созвучен персоналистическому идеалу реализму Н.О.Лосского. По Н.О.Лосскому, весь мир состоит из личностей, а все реальное бытие, то есть события, имеющие форму времени (психические процессы), а также события, имеющие пространственно-временную форму (материальные процессы), творятся личностями сообразно идеям⁹. Эта трактовка отвергает суждения об исключительности российской интеллигенции, противостоящей власти во все времена, и о ее противопоставлении западным интеллектуалам, всегда лояльным власти. Именно общество и власть формируют свои взаимоотношения с интеллигенцией. Поэтому одностороннее возложение всей ответственности за социальные катаклизмы на интеллигенцию просто некорректно. Скорее, следует говорить не о вине всей российской интеллигенции, а об ответственности конкретных представителей интеллигенции в конкретных партиях, организациях и общественных движениях за совершенно определенные дела и поступки. Но при этом всегда необходимо помнить о том, что в начале XX века многие представители интеллигенции в России предупреждали о грозящей революционной катастрофе, но их обоснованные прогнозы не были должным образом восприняты правящими верхами, несущими первостепенную ответственность за происходящее в стране.

Выбор политической позиции, того или иного общественно-политического лагеря, для большей части российской интеллигенции в 1917 году не был, да и не мог быть кратковременным актом. Он проходил в ходе длительного процесса накопления и критической оценки политического опыта. Свое место в революционном процессе осени 1917 года каждая группа и каждый конкретный представитель интеллигенции определял под воздействием сложного комплекса факторов, их переплетения и взаимодействия.

⁸ Мамардашвили М.К. *Как я понимаю философию*. М., 1990. С. 334-336.

⁹ См. : Лосский Н.О. *Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа*. М., 1991.

В большинстве работ советских историков, где охарактеризовались общественно-политические позиции российской интеллигенции в 1917 году, ее деятельность в первые месяцы Советской власти, оценка давалась с позиций большевиков. Главное внимание в этих работах уделялось отношению интеллигенции с новой властью, а не мотивом поведения и деятельности данного социального слоя. Если же эта проблема и затрагивалась в советских исторических сочинениях, то взгляды и дела «антисоветской» интеллигенции трактовались весьма тенденциозно, через классово-идеологическую призму, исключительно как «зависимость от денежного мешка буржуазии»¹⁰. Данный подход не позволял объективно оценить мотивы и саму деятельность российской интеллигенции в послеоктябрьский период, а также непредвзято рассмотреть политику «рабоче-крестьянского государства» к этому субъекту общественной деятельности.

Не вызывает сомнения тот факт, что события осени 1917 года стали поворотным пунктом не только в развитии всей страны, но и в политической дифференциации российской интеллигенции. За короткий отрезок времени в сознании интеллигенции произошли существенные, а порой кардинальные изменения. И это не случайно, ибо, как известно, бывают в истории времена, когда в одном дне сосредоточиваются десятилетия. Это мнение находит подтверждение в суждениях представителей российской интеллигенции первой трети XX века. Так, журналист С.В.Яблоновский-Потресов писал в апреле 1922 года: «Мы не годы пережили; мы через необъемлемые пространства времени прошли»¹¹.

Отношение российской интеллигенции к Октябрьской революции было различным. Спектр оценок был очень широким: от крайне негативных до восторженно приветствующих. К сожалению, отсутствие точных сведений, социологических данных не позволяет четко и определенно судить о политической дифференциации российской интеллигенции в ходе большевистской революции. Это привело к существованию различных точек зрения в оценке политической дифференциации российской интеллигенции непосредственно после взятия власти большевиками, как в специальных исторических исследованиях, так и в мемуарной литературе. В первое послеоктябрьское десятилетие вопрос о политическом размежевании интеллигенции России ставился и решался не как научная проблема, а скорее как актуальная политическая задача. Довольно часто в работах того времени интеллигенцию после Октябрьской революции оценивали, как массу, в большинстве своем противостоящую большевикам, неспособную «перестроить свое мировоззрение» и «осознать непобедимость идей социализма»¹². По мнению советского историка 1960-х — 1980-х годов Е.Н.Городецкого, одного из первых отечественных марксистских историков М.Н.Покровского характеризовала «...твердая уверенность в политической глухоте старой интеллигенции, в ее неумении и нежелании слушать музыку революции и тем более принять ее. Свою трактовку

¹⁰ См., например : Ушаков А.В. *Демократическая интеллигенция в период трех революций в России*. М., 1985.

¹¹ Государственный центральный театральный музей имени А.А.Бахрушина. Фонд 210. Опись 1. Единица хранения 1051. Лист 53.

¹² Ломакин И. Учителство передовой школы // *Известия*. 1919, 21 июня; Керженцев В. Еще об интеллигенции // *Известия*. 1918, 18 октября; Мещеряков Н. Русские сменовеховцы // *Красная новь*. 1922. 12. С.22; и другие.

постоянной конфронтации интеллигенции и революции Покровский сохранил до второй половины 20-х годов»¹³.

Другая группа авторов 1920-х годов считала, что основная масса российской интеллигенции не смогла поначалу принять большевистскую революцию, но в дальнейшем «...большинство испуганных интеллигентов... в результате длительного и зигзагообразного процесса поняло, что новый класс не варвар, не хам и дикарь..., что [оно] может с таким же, а может быть и с гораздо большим успехом, нежели буржуазию, культурно обслуживать пролетариат»¹⁴. Этими авторами были выделены две группы интеллигенции. Первая группа — слой, безусловно, враждебный Советской власти и в большинстве своем неспособный к идейной перестройке, относящийся к высококвалифицированной части интеллигенции, а также отряды идеологов буржуазии (юристы, журналисты, земцы и прочие)¹⁵. Вторая группа — менее квалифицированная, рядовая часть, составляющая большинство интеллигенции, оценивалась как «наиболее способная к переходу на позиции социализма»¹⁶. Но сами авторы работ с изложением предлагаемой политической дифференциации интеллигенции России не считали данные группы достаточно четко оформленными и допускали взаимопроникновение интеллигентов из одной группы в другую, несоответствующую им по квалификации, социальному положению, профессиональной принадлежности. В первую очередь подобная оговорка относилась к молодой интеллигенции (и особенно к студенчеству), не успевшей, по мнению авторов, «развернуться в буржуазной среде», но способной «...с искренностью и горячностью молодости приобщиться к великому революционному творчеству наших дней...»¹⁷.

В работах публицистов и историков 1920-х годов были предприняты первые попытки определить причины идейно-политической дифференциации интеллигенции России после большевистской революции. Среди выделяемых причин назывались социально-экономическая привязанность, особый характер умственного труда, его индивидуальность, из которой вытекают замкнутость, интеллигентский индивидуализм¹⁸. Это во многом повлияло на то, что интеллигенция «...не сразу увидела и сознательно оценила созидательную работу пролетарской диктатуры, не верила в осуществимость социалистических преобразований, а реальные трудности, лишения и невзгоды связывала только с коммунистической революцией»¹⁹. Нарком просвещения большевистского правительства А.В.Луначарский, характеризуя интеллигенцию послеоктябрьского периода, большое внимание уделял формированию идейно-политических пози-

¹³ Городецкий Е.Н. *Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов. Очерки.* М., 1981. С. 190.

¹⁴ Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория // *Красная новь. 1925. 1 6. С. 156*; Смотрите также: Полонский В. Заметки об интеллигенции // *Красная новь. 1924. 1 1. с. 189 - 205*; Сибиряков Н. Интеллигенция и органическая работа // *Известия. 1918. 17 апреля*; Гредескул Н. Интеллигенция на переломе // *Известия. 1920. 12 июля*; и другие.

¹⁵ Гредескул Н. Одиночная попытка или общественное движение // *Известия. 1920, 17 августа*; Полонский В. *Заметки об интеллигенции...* С. 205.

¹⁶ Гредескул Н. Одиночная попытка...

¹⁷ Там же.

¹⁸ Серебряный З. Саботаж и создание нового государственного аппарата // *Пролетарская революция. 1926. 1 10. С. 7*; Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория... С. 155, 160.

¹⁹ Полонский В. Заметки... С. 198 -205; Гредескул Н. Интеллигенция на переломе...

ций различных групп интеллигенции в коммунистической революции, подчеркивая, что политическое расслоение российской интеллигенции определялось не только социально-экономическим положением, но и рядом иных не менее важных факторов, таких как профессия, личные качества и другие²⁰. Главным моментом в определении позиций отечественной интеллигенции после Октября 1917 года выдвигался вопрос понимания происходящего, восприятия большевистской революции интеллигенцией для выяснения коренных мотивов сотрудничества данного социального слоя с коммунистической властью. Основная масса авторов 1920-х годов полагала, что интеллигенция сотрудничала с Советской властью «*из соображений исключительно пайковых*», то есть для получения содержания из рук большевиков, в глубине души надеясь на скорую гибель «*ненавистной хамократии Советов*»²¹. Но, утверждая подобное, большинство авторов того времени не отвергало возможности в дальнейшем «*осознания интеллигенцией своего места в коммунистической революции*»²².

С конца 1920-х годов в советской обществоведческой литературе предпочтение стало отдаваться не творческому осмыслению марксистской теории, а схоластике, догматическому истолкованию некоторых положений трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, интерпретации упрощенных схем И.В.Сталина и его сподвижников, начетничеству, росло число направлений, закрытых для научного исследования, куда попало и рассмотрение идейно-политической дифференциации российской интеллигенции после Октябрьской революции. Начало формирования тоталитарного общества в СССР потребовало и наличия соответствующей интеллигенции в обществе. Такой тип интеллигенции (в современной обществоведческой литературе ее называют по-разному: социалистическая, советская, совковская, образованщина, большевигенция) как советский мог возникнуть только под определяющим воздействием, руководством такой тоталитарной партии как РКП(б) — ВКП(б) — КПСС²³. Поэтому потребовалось создание догматической схемы «*борьбы большевистской партии за интеллигенцию*» с осени 1917 года.

Уже на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года, рассматривая социально-классовое развитие советского общества, И.В.Сталин объединяет новую буржуазию и интеллигенцию в одну группу²⁴. Им было выделено концептуальное положение о росте по мере увеличения успехов социализма контрреволюционных настроений в среде интеллигенции. Правда, данное положение сопровождалось нечеткой оговоркой: «*...Ошибочно думать, что весь служилый элемент, вся интеллигенция переживает состояние недовольства, состояние ропота или брожения против Советской власти*»²⁵. Тогда же из российской интеллигенции была выделена

²⁰ Подробнее об этом смотрите: Климанова Т.В. Проблема интеллигенции в произведениях А.В.Луначарского // *Методологические проблемы исследования места интеллигенции в социальной структуре развитого социализма. Материалы к Всесоюзной научно-теоретической конференции*. М., 1979. С. 48.

²¹ Мещеряков Н. Русские сменовеховцы... С. 22; Ломакин И. Учительство перед новой школой...

²² Там же.

²³ Подробнее об этом смотрите: Волков В.С. Главная закономерность процесса формирования советской интеллигенции // *Интеллигенция, провинция, Отечество: Проблемы истории, культуры, политики*. Иваново, 1996. С. 9 - 11.

²⁴ Сталин И.В. *Сочинения. Том 10*. М., 1949. С.317.

²⁵ Там же. С. 318.

группа «*лояльной*» технической интеллигенции, «*ибо она, будучи тесно связана с процессом производства, не может не видеть, что большевики ведут дело нашей страны вперед, к лучшему*»²⁶. Так было положено начало формированию вскоре догматической и упрощенной схемы о делении интеллигенции России после 1917 года на контрреволюционные верхи, оторванные от народа, и революционные низы, политически близкие пролетариату, а также колеблющуюся середину интеллигенции. Господство данной схемы в 1930-е — 1950-е годы привело к ущербу трудов советских обществоведов по истории отечественной интеллигенции.

Правда, и в 1930-е годы были попытки не замечать обязательной для основы любого изучения схемы трехслойного деления интеллигенции. Так, Е.М.Ярославский с прежних позиций марксистского историзма попытался разобраться в весьма сложных процессах, проходивших после большевистской революции в среде интеллигенции. В качестве причин, определивших идейно-политическое размежевание интеллигенции России в 1917 году, он называл классовый состав и многолетние традиции, в результате которых «*в массе своей старая интеллигенция... пошла на службу социалистическому государству*»²⁷. Но данная работа Е.М.Ярославского, выпущенная небольшим тиражом на периферии, была лишь исключением в потоке повторяющих догматическую схему Сталина публицистических трудов 1930-х - 1950-х годов.

Первые попытки демонтажа сталинской схемы относятся к началу 1960-х годов под влиянием хрущевской «оттепели» и связаны с именем крупнейшего советского исследователя истории отечественной интеллигенции С.А.Федюкина. Он достаточно убедительно показал несостоятельность прямого детерминирования имущественным состоянием и социальным положением в обществе до Октября 1917 года отношение российской интеллигенции к большевистской революции²⁸. С.А.Федюкин, М.П.Ким, Л.В.Иванова, Ю.С.Борисов, В.Л.Соскин, В.С.Волков, М.Е.Главацкий, Л.М.Зак, О.Н.Знаменский и ряд других исследователей 1960-х — 1970-х годов последовательно проводили в своих работах мысль, что социальное происхождение, принадлежность к высшим и так называемым «цензовым» слоям интеллигенции, имевшим высокий статус в обществе до большевистской революции, далеко не всегда обуславливали ее негативное отношение к Советской власти²⁹. При этом советские историки были вынуждены двигаться в русле отработанных направлений, а взгляды зарубежных исследователей всегда приводились лишь для дежурной «критики запад-

²⁶ Там же.

²⁷ Ярославский Е.М. *О старой и новой интеллигенции*. Ростов-на-Дону, 1939. С. 4, 16.

²⁸ Федюкин С.А. Ленин и проблема привлечения буржуазных специалистов к социалистическому строительству в первые годы Советской власти // *История СССР*. 1960. ¹ 2. С. 90 - 111; Он же. В.И.Ленин о привлечении старой интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью // *Вопросы истории КПСС*. 1970. ¹ 1. С. 44 - 57; Он же. *Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР*. М., 1960; Он же. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // *Военно-исторический журнал*. 1962. ¹ 6; Он же. Борьба за перевоспитание старой технической интеллигенции в восстановительный период // *История СССР*. 1965. ¹ 4. С. 106 - 120; Он же. *Советская власть и буржуазные специалисты*. М., 1965. С. 26.

²⁹ Подробнее об историографической ситуации 1960-х — 1970-х годов смотрите: Главацкий М.Е. Советские историки о политическом размежевании буржуазной интеллигенции в период Октябрьской революции // *Интеллигенция и революция. XX век: Сборник статей*. М., 1985. С. 131 - 138.

ных фальсификаторов»³⁰. В это время в советской историографии отечественной интеллигенции был накоплен огромный фактический материал, проделана значительная источниковедческая и историографическая работа, появились обобщающие исследования, прошли первые научные конференции по истории интеллигенции, где предпринимались попытки объективно рассмотреть отношение русской интеллигенции к Октябрьской революции. Однако приверженность старой парадигме, диктат идеологических органов КПСС не позволили исследователям 1960-х — 1970-х годов выйти за рамки многих прежних подходов, характерных для предшественников.

Последующие 1970-е — 1980-е годы характерны не только продолжавшимся отказом от старой сталинской схемы, но и выдвижением в русле коммунистических подходов рядом авторов собственных надуманных моделей. Во многом был прав академик М.П.Ким, когда еще в 1985 году, в начале горбачевской «перестройки», отметил: *«В вышедших за последние годы книгах содержится много нового. Правда, не во всех случаях авторы, видимо, учитывают, что новое слово в науке рождается не так просто и легко, что оно всегда является результатом напряженной работы мысли. Среди высказанных новых мыслей и положений, к сожалению, имеются и явно непродуманные, а иногда и просто схоластические. Отчасти по этой причине теоретические споры нередко носят надуманный характер»*³¹. Данное замечание с полным основанием можно отнести и к попыткам выдвинуть новые варианты схемы идейно-политической дифференциации интеллигенции после 1917 года не на основе изучения фактов, а лишь по наитию исследователя.

К сожалению, подобные подходы остаются доминирующими и в последнем пятнадцатилетии. До настоящего времени истинные мотивы и позиции пореволюционной интеллигенции и ее общественных организаций остаются нераскрытыми. Современный новосибирский историк С.А.Красильников справедливо констатировал: *«Эпоха перестройки и постсоветское время доказывают устойчивость и живучесть политологических построений. При всех внешних их отличиях от предыдущей схемы трудно не заметить сходство логики рассуждений части исследователей, но теперь уже по принципу “перевернутого изображения”. Спектр взаимоотношений “власть — интеллигенция” нередко трактуется ныне таким образом, что оппозиционность (враждебность, неприятие) части интеллигенции большевистской власти ставится интеллектуалам в заслугу, а союзоспособность по отношению к власти ста-*

³⁰ Лишь с конца 1980-х годов стал заметен переход от огульной критики западных исследователей к конструктивному анализу. Смотрите: Багдасаров В.К. Американские и английские буржуазные историки о русской интеллигенции XIX - XX веков // *История СССР. 1987. 1 4. С. 217 - 221*; Бойко Ю.В. Современное французское советоведение о духовной культуре послеоктябрьской России (1917 — конец 1920-х годов) // *Русский вопрос: История и современность. Омск, 1992. С. 111 - 120*; Он же. Становление советской интеллигенции в освещении французской немарксистской историографии 20-30-х годов // *Интеллигенция в советском обществе. Кемерово, 1993. С. 110 - 121*; Козлов С.А. Проблемы культурной революции в СССР в новейшей немарксистской историографии (1917 — начало 1930-х годов) // *История СССР. 1989. 1 4. С. 186 - 199*; Зезина М.Р. Октябрь и интеллигенция в буржуазной литературе // *Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1987. Выпуск 5. С. 164 - 173*; и другие.

³¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917 - 1927. М., 1985. С. 4.

новится величиной негативной. Представление о власти как абсолютном зле, а интеллигенции как ее перманентной жертве настолько легко перешло из публицистики в исторические исследования, что это может быть темой специального историографического анализа»³².

При этом приходится сталкиваться с работами современных авторов, где соседствуют упреки историкам прошлых лет в конъюнктурности и ангажированности, со ссылками на исторические документы и факты, введенные в исторический оборот в исследованиях все тех же советских историков³³. В этой связи приходится согласиться с мнением известного отечественного историка В.И.Миллера: *«На смену постепенному освобождению от исторических оценок, не выдержавших проверки всей совокупностью накопленных фактов, пришел поддержанный частью историков отказ не только от значительной части накопленной исторической наукой наблюдений и выводов, но и от хорошо известных фактов. Новые подходы, несомненно, расширили круг проблем, рассматриваемых историками, ввели в него ряд ранее табуированных тем... Однако..., мы пока не продвинулись вперед ни в познании общих закономерностей исторического процесса, ни в осознании событий, которые определяли ход истории. В этих условиях, видимо, следует разобраться, не “вылили ли мы с грязной водой и ребенка”, иначе говоря, не привел ли радикальный отказ от применявшихся ранее подходов и методов к известному торможению в исторической науке»³⁴.*

Необходимо признать, что немаловажным фактором в современный период для обработки и анализа документов и материалов по истории интеллигенции в условиях революционных событий 1917 года и победы коммунистического режима стали личные представления и впечатления авторов, как непосредственных свидетелей и участников нынешних событий конца 1980-х — начала 1990-х годов и краха коммунистического режима. Личное мироощущение в период ломки общественного строя в России позволили авторам вжиться в образы своих героев, а где-то порой и экстраполировать собственные, современные моменты личного выбора как основу альтернативности истории («за» или «против»). При этом авторы испытывали потребность в сочетании личностных ощущений от проходящих событий с вычленением объекта исследования — российской интеллигенции 1917 года — как задачи теоретической. Здесь и заключаются значительные трудности в реконструкции не осознаваемых людьми представлений и соответствующих им норм поведения. Эти трудности, в общем, известны и наиболее сжато суммированы П.Берком³⁵. То, что не попадает в сферу сознания — не находит отражения в письменных источниках. Историк вынужден пользоваться косвенными методами, «домысливая» за своих героев. При этом зафиксировать свои выводы он может тоже, только придав бессознательным представлениям форму сознательных

³² Красильников С.А. Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX веке (Дискуссионные заметки) // *Интеллигенция России в конце XX века: Система духовных ценностей в исторической динамике. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г.Чуфарова*. Екатеринбург, 1998. С. 42.

³³ Смотрите, например, Казанин И.Е. Отношение прогрессивной российской интеллигенции к Октябрьскому перевороту в первые месяцы Советской власти // *Вестник ВолгГУ. Серия 4. История. Философия*. Волгоград. 1997. Выпуск 2. С. 47 - 54.

³⁴ Миллер В.И. *Осторожно: история!* М., 1997. С. 8.

³⁵ *History of European ideas*. V. 7. 1986, # 5.

категорий. Построение системы категорий — такова пока наиболее разработанная форма описания ментальности, что явно не соответствует природе изучаемого объекта.

По меткому определению М.К.Мамардашвили, «...иногда знание того, что мы видим, несомненно, мешает нам видеть видимое»³⁶. Он говорил о познании человеком мира в целом, но данное замечание с не меньшим успехом может быть отнесено и к частным случаям, например, источниковедческому анализу. Действительно, еще недавно комплекс источников по истории отечественной интеллигенции первой трети XX века представлялся историкам, состоящим из следующих связанных частей: работы В.И.Ленина и других руководителей большевиков; документы большевистской партии; материалы советских органов; источники официальных организаций и союзов; пресса; документы личного происхождения; архивные материалы. Кроме того, специалистам-историкам позволялось использовать источники «непролетарского партийно-политического лагеря», к которым был необходим особенно критический подход. Но вот времена изменились, а с ними изменился и комплекс источников по истории интеллигенции первой трети XX века в следующей иерархической последовательности: труды лидеров и идеологов антибольшевистского лагеря; документы политических партий, течений и групп; официальные материалы; пресса; документы личного происхождения; архивы; документы советско-большевистского лагеря, требующие критического подхода, перепроверок.

Хотя почти все исследователи за последнее десятилетие успели «перестроиться», а затем еще и приобщиться к особой «русской духовности» 1990-х годов, возьму на себя дерзость утверждать, что мы так и не приблизились к глубокому познанию объекта исследования. Современная ситуация в отечественной историографии воскрешает рассуждения В.Франкла о детерминизме и индетерминизме: «Фактически мы живем во времена научного плюрализма, когда отдельные науки представляют реальность столь различно, что картины противоречат друг другу. Однако я убежден, что эти противоречия не противоречат единству реальности. Чтобы показать это, вспомним, что каждая наука дает, так сказать, сечение реальности»³⁷. И далее В.Франкл на основе геометрической аналогии показывает, что два ортогональных сечения цилиндра в одном случае представляют его горизонтальное сечение как круг, а в другом — вертикальное сечение — как квадрат. Мне представляется, что наши современные знания по истории русской интеллигенции также напоминают ортогональные сечения объекта исследования: если раньше мы анализировали плоскостную проекцию, ограниченную суловско-трапезниковскими рамками большевистского «прямоугольника», то сегодня мы позволяем себе обратиться лишь к «кругу» либерально-демократической проекции. При этом сам объект исследования по-прежнему очень часто выпадает из поля зрения, не вмещаясь в плоскостные построения.

В первую очередь наши прежние теоретические установки базировались на классовом дуализме: интеллигенция, как социальная прослойка, была зажата между двумя партийно-политическими лагерями. Поэтому ее

³⁶ Мамардашвили М.К. Указ. соч. с. 44.

³⁷ Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. С. 75.

положение во многом выяснилось на основе суждений партийно-политических лидеров и деклараций политических партий, в первую очередь большевистской. Даже споры о важнейших вехах в истории отечественной интеллигенции базировались на соответствующем подборе высказываний. Хотя в 1960-е — 1970-е годы декларировался отказ от «иллюстративного метода» и от применения «совокупности высказываний», однако и в конце 1980-х годов ряд споров, по существу, сводился к различным интерпретациям высказываний В.И.Ленина о месте и роли интеллигенции³⁸. Сегодня Ленина цитируют лишь для доказательства злонамеренной деятельности большевиков, истребивших интеллигенцию. Иногда для этого используют те же цитаты, какими еще недавно подтверждались, якобы, «единственно правильная в тех условиях» политика большевиков в отношении интеллигенции.

Естественно, что комплекс источников деформируется в зависимости от идеологических установок. Критический анализ всех частей комплекса источников предопределяет отсеечение недостоверных данных, но это еще не означает вынесения тех или иных документов за рамки исследования в зависимости от их партийно-классового происхождения. Иначе мы просто переходим от изучения одной проекции объекта к другой, но сам объект по-прежнему не виден, не доступен нашему анализу³⁹.

Современное состояние гуманитарных наук предполагает отказ от стремления к упрощению исследуемого объекта. При изучении исторических сюжетов мы оказываемся перед трудной проблемой: исследователь подходит к изучению объекта в наивной убежденности, что мудрость его как бы превосходит сложность объекта. Однако на деле даже простейшее восприятие фактов оказывается обусловленным готовностью увидеть подтверждение уже сформировавшихся гипотез автора.

Таким образом, мы видим, что современная историографическая ситуация по проблеме изучения политических позиций российской интеллигенции осенью 1917 года характеризуется переходными тенденциями. Отказ от старых догматических схем, введение новых документальных материалов в исторический оборот, применение новых (в том числе, математических⁴⁰) методов еще не позволили совершить решительный исследовательский прорыв. Но уже сейчас понятно, что произошедшие изменения и поиски современных подходов требуют синтетического соотнесения ранее отщепленных друг от друга подходов, превращения истории в подлинно гуманитарную науку.

© Андрей Квакин, 1999

³⁸ Смоляков Л.Я. *Социалистическая интеллигенция*. Киев, 1986.

³⁹ Об этом подробнее смотрите: Бордюгов Г.А. Каждое поколение пишет свою историю // *Исторические исследования в России: Тенденции последних лет*. М., 1996. С. 427 - 436.

⁴⁰ Подробнее смотрите: Квакин А.В. Использование математических методов при анализе мотивов политического выбора интеллигенции в Октябре 1917 года // *История российской интеллигенции. Межвузовский тематический сборник научных трудов*. М., 1995. Часть 2. С. 45; Он же. Использование корреляционного и факторного анализов при изучении мотивов политического выбора российской интеллигенции в 1917 году // *Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII -XX века). Материалы Второй всероссийской научной конференции. Т. 1. Интеллигенция и многоликость культуры российской провинции*. Омск, 1995. С. 93 - 96.

